

Слуга вышел передать слова, но вскоре вернулся с озабоченным лицом и доложил Ханьскому императору:

— Ваше Величество, госпожа Жунхуа стоит на коленях у входа в палаты и отказывается уходить.

Император швырнул цинь и пришёл в ярость. Бессвязно тыча пальцем в слугу, он закричал:

— Говори, говори же! Чем я перед ней провинился? Почему она снова и снова принуждает меня? Я не желаю её видеть! И её детей тоже! Я хочу побыть один!

Слуга подумал, не возжелал ли его государь удалиться от мира, коль скоро даже на прекрасную госпожу Жунхуа смотреть не хочет. Во дворце столько красавиц, а он ни с одной не делит ложе — уж не одолела ли его в последнее время немощь?

Столь юный, а уже такое нездоровье... Не дело. Слуга не смел строить догадок, лишь покорно кивал. Но тут из-за дверей донёсся плач младенца. Госпожа Жунхуа, решившись любой ценой увидеть императора, велела принести своих детей. Услышав этот жалобный крик, император вдруг замер, устремив пустой взгляд на лунный свет, что сочился сквозь резное окно.

— Кто плачет? — спросил он.

— Ваше Величество, плачут ваши новорождённые принц и принцесса, — ответил слуга.

Чжао Цзюэ какое-то время прислушивался к плачу, а затем негромко молвил:

— Пойдём, взглянем на них.

У входа в палаты Хэхуань император бережно держал на руках малютку-принцессу, а госпожа Жунхуа, сияя от счастья, прижимала к груди принца. Слёзы радости текли по её лицу.

— Ваше Величество, у наших детей ещё нет домашних имён. Умоляю, дайте им имена.

Официальные имена для принца и принцессы уже подготовило министерство ритуалов, и Чжао Цзюэ почти не раздумывая выбрал два из предложенных. Услышав просьбу госпожи Жунхуа, он бесстрастно произнёс:

— Пусть зовутся Пин и Ань. Я желаю им прожить жизнь без забот, в мире и покое.

Госпожа Жунхуа чуть не пала ниц, без умолку кивая:

— Имена, данные вами, прекрасны, поистине прекрасны.

В тот же вечер госпожа Жунхуа получила щедрые дары, а Чжао Цзюэ, увидев своих детей, словно понемногу начал принимать их. Впоследствии, когда она снова приносила отпрысков, он уже не гневался так сильно, а порой даже брал их на руки.

В день отдыха император, облачившись в простые одежды и в сопровождении тайных стражников, покинул Ханьский дворец и отправился бродить по Лояну. На нём было платье лунной белизны, волосы убраны нефритовой шпилькой, в руке он покручивал складной веер, смахивая на самого либерального из знатных молодых повес. Неспешно прогуливаясь по рынку, император приобрёл пару сверчков — прежние пали в непрерывных боях, и требовалась новая забава. Подойдя к чайной, откуда доносился оживлённый говор, он с интересом присел послушать.

Рассказчик, поглаживая бородку, повествовал о событии нескольких летней давности — о том, как красавец отправился на династический брак. Находясь у подножия императорского дворца, он, разумеется, не смел говорить что попало, и большая часть его речи восхваляла нынешнего государя: мол, тот, движимый великодушием и заботой о простом народе, пожертвовал любимейшим младшим братом, отправив его в далёкие суровые края для заключения брачного союза. Сие есть великое деяние, и весь народ Хань должен благодарить императора за милость, что пребудет в веках и будет воспета потомками.

Император горько усмехнулся. В истории о красавце, отправленном на династический брак, главным героем, выходило, стал он сам. Рассказчик уделил красавцу считанные слова, а всю хвалу возложил на голову императора — будто бы не красавец отбыл к хунну, а он сам.

Подобное повествование было пресно и бессердечно. Император не смог его дослушать, оставил монету за чай и холодно удалился.

К вечеру пошёл дождь. Стражник раскрыл над государем зонт, уговаривая вернуться. Император глядел на длинную улицу, где мелькали тени прохожих, и с тоской произнёс:

— Опять дождь.

— Нынешней весной дожди обильны — урожай наверняка будет хорош, — поддакнул стражник.

Император усмехнулся и промолчал.

Изысканные сапоги, расшитые золотыми нитями, ступали по грязной мостовой, разбрызгивая воду. Торговцы, спешно сворачивавшие из-за дождя прилавки, обронили паровую булочку. Запаханная в грязи, она покатила к самым ногам императора. Маленький оборванец бросился к ней, но едва протянул руку, как стражник рядом с императором рявкнул:

— Прочь!

Воин обнажил меч. Перепуганный мальчишка плюхнулся в грязь, и без того грязное тело его стало совсем чёрным. Император, глядя на его полные слёз глаза, легонько прижал клинок веером и тихо молвил:

— Не надо.

Император велел стражнику отвести мальчика в постоянный двор и накормить его горячими булочками. С интересом разглядывая его влажные глаза, государь ласково спросил:

— Где твои родители?

— Нету родителей.

— А братья, сёстры есть?

— Есть брат.

— Вот как?

Мальчик молча уплетал булочку. Император с любопытством продолжил:

— А где же твой брат?

— Он меня бросил.

Помолчав, император спросил:

— Почему бросил?

Мальчик покачал головой. Казалось, ему было грустно, но не слишком.

— Не знаю. Может, у него свои дела. Не мог он обо мне заботиться.

— Ты его ненавидишь?

Мальчик моргнул и с детской искренностью покачал головой:

— Брат ко мне добр был. Это я плохой, вот он меня и бросил.

Император рассмеялся — смех его был лёгким и радостным. Он приказал стражнику забрать мальчика, обмыть его, одеть и доставить во дворец, дабы государь лично занялся его воспитанием.

К собственным сыновьям император не проявлял и доли того внимания, что к этому нищему. Он учил мальчика читать и писать, ездить верхом и стрелять из лука, слагать стихи и сочинять прозу — явно готовя его стать своим ближайшим спутником.

В конце весны из уезда Цзи пришла весть: красавец родил сына, мать и дитя здоровы. В письме, доставленном гонцом, красавец не обмолвился об императоре ни словом. Слуга осмелился тихо спросить: не вернуть ли красавца?

В тот момент император как раз учил мальчика писать. Мальчику было двенадцать, и, приведённый в порядок, он смотрелся вполне прилично. Растянув в улыбке полные губы, он радостно протянул императору бамбуковую планку с письменами:

— Брат, я правильно написал?

Император взглянул на корявые иероглифы и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Жун написал отлично.

Император дал мальчику имя — Жун. Никто не ведал, что думал государь, и никто не смел спросить.

И всё же император велел вернуть красавца и поселил его во вновь отстроенном дворце Юнсин, что стоял рядом с Ханьским дворцом. Этот дворец начали возводить для красавца ещё при восшествии императора на престол, но позднее, когда красавца отправили к хунну на династический брак, вдовствующая императрица повелела прекратить строительство. Когда же император вновь обрёл власть, дворец, два года простоявший заброшенным, пришёл в полное запустение. У государя не осталось души восстанавливать его, и он решил более не утруждать народ, оставив всё как есть. Потому во дворце Юнсин прозвали «заброшенными палатами».

Одной грозовой ночью императора разбудили. Слуга в панике доложил:

— Ваше Величество, дворец Юнсин обрушился.

В последнее время император мог заснуть лишь с помощью снадобий, и голова его была тяжёлой. Не вполне придя в себя, он переспросил:

— Дворец Юнсин? Какой дворец Юнсин?

Слуга, глядя на его лицо, заколебался: говорить ли? Но, подумав, что если он промолчит, а с обитателем дворца что-то случится, десяти жизней не хватит, чтобы искупить вину, осторожно произнёс:

— Ваше Величество, дворец Юнсин! Принц Жун там.

Император, видимо, всё ещё спал, ибо лишь спокойно улыбнулся:

— Какой Жун? Жун здесь, рядом со мною.

Слуга, глядя на его лицо, внезапно перестал понимать мысли государя. Неужели тот и впрямь позабыл о родном брате, принце Жуне?

Император велел слуге закрыть окно — брызги холодного дождя залетали внутрь. Слуга исполнил приказ и тихо удалился. Император повернулся на бок, лицом к стене, и задрожал от холода. По ночам он вечно мёрз, и даже если с ним кто-то делил ложе, он вскоре прогонял того прочь.

Ему не нравилось, когда с ним спали. Не нравилось их тепло, не нравился их запах. Они казались ему застывшими человеческими фигурами, и объятия их наводили ужас, словно он пребывал в аду, а окружающие были не людьми, а демонами — особенно его покойная мать.

И вновь императору привиделась мать: она лежала с холодно открытыми глазами, безмолвно взирая на него. Тело её походило на застывший жир, мертвенно-белое и маслянистое. Император вскрикнул от ужаса.

<http://bllate.org/book/16253/1462022>